

“РОМАНЫ кончаются тем, что герой и героиня женились. Надо начинать с этого, а кончать тем, что они разженились... Обрывать описание на женитьбе - это все равно что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам”.

Лев Толстой

23 СЕНТЯБРЯ 1862 года. Маленькая старушка у входа в церковь Рождества Богородицы на Великокняжеском подворье перекрестилась: “Дай Бог счастья, дай Бог счастья”. Из церкви выходили молодые, и кто-то из гостей бросил ей в руку несколько монет.

- Ох, что-то невестушка больно бледная. А барин-то уж в летах. За вдовца, что ли, пошла? Да кто венчался-то? - поинтересовалась старушка.

- Говорят, граф Толстой с дочкой придворного дохтура Андрея Евстафьевича Берса, - кланяясь молодым, ответил пришедший поглазеть на свадьбу паренек. - Долгие лета, барин!

Сонечка Берс действительно была очень бледной - ее жених, Лев Николаевич Толстой, опоздал к венчанию, и она от нервного напряжения уже несколько раз чуть было не лишилась чувств. Теперь она смотрела на мужа с восторгом, прижималась к его сильной руке и тут же робела. Ей было всего 18. Льву Николаевичу - 34. И все произошло так быстро, Соня и опомниться не успела.

ЧУЖОЙ ЖЕНИХ

ЛЕТОМ Берсы всегда жили на даче - в Покровском-Стрешнево, а зимой - в московской квартире в Кремле. Маменька Любовь Александровна еще с детства дружила с Толстыми - Марией Николаевной и ее братом Львом Николаевичем. И они

частенько навещали Берсов. Толстой всегда любил возиться с Любочкиными дочками - Лизой, Соней и Танечкой. Сонечка помнила, как они все пели хором под аккомпанемент Льва Николаевича, как ставили вместе оперу. Но потом граф уехал на Кавказ, и Соня не видела его несколько лет.

Вернувшись, Толстой снова стал бывать у Берсов почти каждый день. Перед его визитами Любовь Александровна всегда забегала в комнату девочек - проверить платье и прическу Лизы. Старшая дочка была на выданье. Соня приходила в восторг: граф такой милый, просто чудо, и Лизонька прелесть как хороша, и вот-вот он сделает ей предложение! Но Толстой что-то медлил, уже целый год как его прочили в женихи, а между ним и Лизой до сих пор ничего не было.

Все это лето Соня бегала по даче с фотоаппаратом, делала портреты домашних. А потом вдруг села за письменный стол. Через некоторое время на суд родных и гостей была представлена повесть “Наташа”. В одном из героев - “необычайно непривлекательной наружности” - Лев Толстой, к тому времени уже твердо решивший на Лизе не жениться, вдруг с ужасом узнал себя самого. Это его задело. Он внимательно посмотрел на язвительную “писательницу” и... пропал.

Как-то вечером, уже в который раз заметив на себе его присталь-

1.

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В ДОМЕ ТОЛСТЫХ

2.

ный взгляд, Соня, взволнованная, прибежала наверх в “комнату трех дев”. Сердце бешено билось. Вслед за ней по ступенькам взбежала и Таня. Глядя в окно на пруд и церковь за ним, посерьезневшая Соня вдруг сказала младшей сестре: “Я боюсь, что люблю графа”. С Таней можно было поговорить обо всем. В свои 16 лет она уже даже целовалась - с кузеном Сашей Кузьминским. А теперь то и дело ловила на себе восторженные взгляды Сергея Николаевича Толстого. Но как раз этим Танечка поделиться с сестрой не решилась - он был старше ее на 20 лет.

“В. М. И П. С. С. Ж. Н. М. М. С. И Н. С.”

В АВГУСТЕ все Берсы отправились к дедушке Александру Михайловичу. Имение его находилось недалеко от Ясной Поляны, и уже на следующий день туда приехал Толстой. Когда гости разошлись и мама уже строго велела девочкам идти спать, граф, который оставался ночевать, вдруг окликнул:

- Софья Андреевна, подождите немного! Вот прочтите, что я вам напишу. Я буду писать только начальными буквами, а вы должны догадаться, какие это слова.

- Как же это? Да это невозможно! Ну пишите.

“В. М. И П. С. С. Ж. Н. М. М. С. И Н. С.”, - писал Толстой мелком на картонном столике.

- Ваша молодость и потребность счастья слишком живо напоминают мне мою старость и невозможность счастья, - с легкостью читала Соня.

- Ну, еще. - “В в. с. с. л. в. н. м. и в. с. л. 3. м.”

- В вашей семье существует ложный взгляд на меня и вашу сестру Лизу. Защитите меня. - Соня читала быстро и без запинки.

Лев Николаевич ничуть не удивился. А она, услышав недовольный голос матери и уверенная в том, что в ее девичьей жизни произошло что-то чрезвычайно важное, побежала к себе.

Через две недели, в течение которых графа все еще считали женихом Лизы, он вызвал Соню в пустую комнату.

- Я все не решался с вами поговорить, Софья Андреевна. Вот письмо. Прочтите. Я буду здесь ждать вашего ответа.

Соня, схватив конверт, бросилась к себе и быстро пробежала глазами письмо до слов: “Хотите ли вы быть моей женой?” Развернувшись, чтобы бежать к нему, она в дверях столкнулась с Лизой.

На фото:

1. Лев Николаевич с внучкой Танечкой (Ясная Поляна, 1906 г.)

2. Софья Андреевна с двумя детьми: Сережей и Таней (Тула, 1866 г.)

Писемки Лев Николаевич. (№3). 1902 (1901)

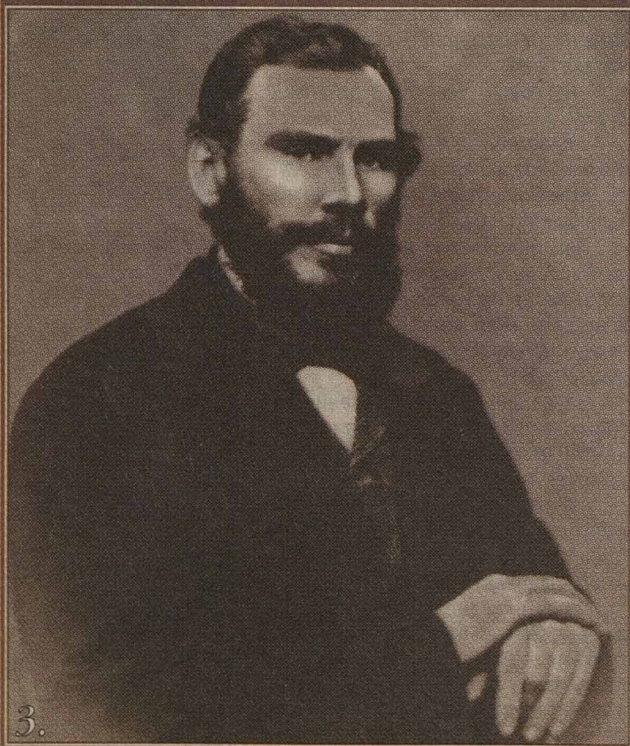
1.

2.

На фото:

1. Семья Толстого (1884 г.)
2. Соня и Таня (1858-1859 гг.) до замужества
3. Лев Николаевич - жених (1862 г.)

3.

Толстой считал, что секретов от невесты у него быть не должно, поэтому до свадьбы показал Соне свои дневники. В них было все: карточные долги, пьяные гулянки, девки...

- Ну что? - Голос сестры едва заметно дрожал.

- Граф сделал мне предложение, - выпалила Соня и бросилась вверх по лестнице в комнату матери, где ее ждал Толстой:

- Разумеется, да!

НАДРЕЗЫ

ТОЛСТОЙ считал, что секретов от невесты у него быть не должно, и еще до свадьбы показал Соне свои дневники. В них было все: карточные долги, пьяные гулянки, цыганка, с которой ее жених намеревался жить вместе, девки, к которым ездил с друзьями, яснополянская крестьянка Аксинья, с которой проводил летние ночи, и, наконец, барышня Валерия Арсеньева, на которой три года назад чуть было не женился. Соня была в ужасе. Об этой стороне жизни она знала только понаслышке. Но и предположить не могла, что все ЭТО мог делать любимый, уважаемый ею человек.

Первая брачная ночь испугала ее еще больше. Соня, видимо, несколько иначе представляла себе семейную жизнь: "У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно - у меня никакой, напротив". Толстой, конечно, тоже почувствовал что-то неладное: "Ночь, тяжелый сон. Не она". Неудивительно, что первые ссоры произошли уже во время медового месяца. Примирение было быстрым и страстным, но идиллическая картина навсегда исчезла.

- Ты знаешь, Соня, - сказал как-то Толстой, - мне кажется, муж и жена - как две половинки чистого листа бумаги. Ссоры - как надрезы. Начни этот лист сверху нарезать и ... скоро две половинки разъединятся совсем.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СПИТ

ПОСЛЕ свадьбы молодые уехали в Ясную Поляну, и Соня сразу взялась за хозяйство. Первым делом она, найдя в тарелке с супом таракана, навела порядок на кухне - завела белые куртки, колпаки и фартуки. Место железных вилок и древних "истыканных" ложек, которые с непривычки кололи рот, заняло ее приданое серебро. Грязная сафьяновая подушка Льва Николаевича

была ликвидирована, а ситцевое ватное одеяло отступило перед шелковым, к которому, к огромному удивлению графа, подшивали тонкую простыню.

Чтобы жена не скучала, Лев Николаевич попытался приучить ее к скотному и молочному делу. Она старалась считать удои и сколько сбито масла, но на скотном дворе ее тошнило. Впрочем, скоро граф начал писать "Войну и мир", и Соне уже не приходилось бездельничать - каждый вечер она переписывала начисто то, что он написал утром. А вскоре родился первый ребенок, и началась уже совсем другая жизнь.

Роды были долгими. Толстой находился рядом - вытирал жене лоб, целовал руки. Недоношенного, слабенького мальчика граф хотел назвать Николаем. Но Софья Андреевна испугалась. Это имя не принесло счастья никому в семье: и дед Толстого, и отец, и брат, и даже племянник, носившие его, - все умерли очень рано. В конце концов остановились на Сергее. "Сергулевич", - звал его, бывало, Лев Николаевич. Подойдет, почмокает губами и уйдет...

Кормить Соня не могла - очень болела грудь, и врачи не разрешали. Толстой был этим очень расстроен. Но, несмотря на его категорические возражения, кормилицу все равно пришлось нанять. Тогда всю свою злость он стал выплескивать на жену, а то, что оставалось, - в дневники:

"С утра прихожу счастливый, веселый и вижу графиню, которая гневается и которой девка Душка расчесывает волосики... Уже час ночи, я не могу спать, еще меньше - идти спать в ее комнату... а она постанет, когда ее слышат, а теперь спокойно храпит".

Соня: "Боль меня гнет в три погибели. Лева убийственный... Ничто не мило. Как собака, я привыкла к его ласкам - он охладил..." "Мне скучно, я одна, совсем одна... Я - удовлетворение, я - нянька, я - привычная мебель, я женщина".

"Соня, прости меня, я теперь только знаю, что я виноват и как я виноват! ... Я был горд и жесток, и к кому же? - К одному существу, которое дало мне лучшее счастье жизни и которое одно любит меня... Соня, голубчик, я виноват, но я гадок... во мне есть отличный че-

ловек, который иногда спит. Ты его люби и не укоряй, Соня".

"... Это написал Левочка, прощение просил у меня. Но потом за что-то рассердился и все вычеркнул... Я стояла этих нескольких строк нежности и раскаяния с его стороны, но в новую минуту сердца на меня он лишил их меня, прежде чем я их прочла..."

ТАНЕЧКА

ПОКА молодые супруги то ссорились, то мирились, рядом разыгрывалась настоящая драма.

В Ясной Поляне готовились к свадьбе Тани Берс и Сергея Николаевича Толстого. Все шло хорошо. Жених приехал за две недели до назначенной даты, как и договаривались. Правда, какой-то смущенный и молчаливый. Он, как и его брат, решил быть откровенным со своей невестой. Тане предстояло узнать, что уже несколько лет он живет с цыганкой, что у них есть дети и что бросить ее Сергей Николаевич никак не решается.

Свадьба не состоялась. Домой в Москву Таня вернулась совершенно опустошенная, все время плакала и в один прекрасный день, вытащив из маминой аптечки все снотворное, решила умереть. В тот вечер, по чудесному стечению обстоятельств, после долгого перерыва в гости к Берсам приехал

ее кузен Саша Кузьминский, с которым когда-то юная Таня целовалась в оранжерее. И она увидела в его появлении знак судьбы. Жить все еще стоило.

Конечно, Толстой знал о цыганке. Наверняка знала и Соня. Но почему-то сестру не предупредила. Она всегда немного ревновала мужа к Тане - с ней он вел долгие серьезные беседы, называл "дорогим другом" и делился своими мыслями. С нее он писал Наташу Ростову.

Через год Таня собралась с силами и снова приехала погостить в Ясную Поляну. Она была уверена, что Сергей Николаевич не посмеет появиться там в ее присутствии, но ошиблась. Он явился, и все закрутилось снова, и даже Лев Николаевич не мог препятствовать их бурным объяснениям, происходившим в саду теплыми майскими ночами. Соня уже боялась, что дело дойдет до крайности, однако Сергей Николаевич снова сбежал. На следующий вечер Толстой вызвал к себе Таню и, собравшись с духом, показал ей письмо брата: "С Машей покончить мне совершенно невозможно..." Таня выдержала и этот удар.

Через два года судьба сыграла последний акт этой драмы. Когда Таня и Саша Кузьминский ехали в церковь, чтобы назначить день венчания, на дороге им встретилась карета Сергея Николаевича. Он тоже, наконец, решил жениться на своей цыганке и ехал с ней к священнику. Пары молча раскланялись и разъехались.

"ТЫ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ МНЕ ЖЕНОЙ!"

ЖИЗНЬ в Ясной Поляне вошла в спокойное русло. У Льва Николаевича - книги, охота, школы, деревенские столовые, гимнастика, одинокие прогулки и размышления. У Софьи Андреевны - беременность, роды, кормление, хозяйственные заботы. И главное - дети: вслед за Сергеем родилась Татьяна, потом Илья, Лев, Мария, Андрей, Михаил, Александр, Иван. Еще четверо умерли в младенчестве. Одного из них, кстати, все же называли Николаем.

23 сентября 1887 года на серебряную свадьбу Льва Николаевича и Софьи Андреевны съехались все де-

ти и самые близкие друзья. Было радостно и весело. Приехал Дмитрий Алексеевич Дьяков, друг Толстого:

- Лев Николаевич, Софья Андреевна, сердечно вас поздравляю с таким счастливым браком!

- Могло бы быть лучше! - оборвал Дьякова Толстой.

А казалось бы, куда уж лучше? Хозяйство налажено безупречно: прекрасная барская усадьба летом, уютный московский дом зимой, обеспеченные дети, милые внуки, приятные гости. Жена всех обшивает, сама издает сочинения мужа, принимает подписку, судится с мужиками, которые рубят барский лес. Одна проблема - муж ее уже, похоже, не хочет быть великим писателем.

Он сам шьет сапоги, возит воду, топтит печи и ходит в поле косить вместе с крестьянами, заставляя то же делать детей и жену. Софья Андреевна как-то вышла грести с бабами сено, но вскоре так сильно заболела, что слегла на несколько недель.

Супруги, казалось, все больше отдалялись друг от друга. Однажды, когда поздно вечером Лев Николаевич позвал к себе жену, она холодно отказала. Он не спал всю ночь, собрал вещи и, приготовившись уйти, разбудил Софью Андреевну. Скандал был ужасный.

- Ты перестала быть мне женой! - кричал граф. - Кто ты? Помощница мужу? Ты давно уже только мешаешь мне. Мать? Ты не хочешь больше рожать детей! Кормилица? Ты бережешь себя и сманиваешь мать у чужого ребенка! Подруга моих ночей? Даже из этого ты делаешь игрушку, чтобы взять надо мной власть!

- Ты решительно стал невозможен! Это такой характер, с которым ангел не уживется.

- Где ты, там воздух заражен! - Схватив со стола пресс-папье Толстой швырнул его на пол под ноги жене. Она развернулась и пошла из комнаты, но остановилась в дверях, и тогда он начал бросать со стола все, что попадало под руку: подсвечники, чернильницы, - и кричал: - Я развожусь с тобой, жить так не могу, еду в Париж или Америку!

**- Ты перестала быть мне женой! - кричал граф.
- Кто ты? Мать? Ты не хочешь
больше рожать детей! Подруга моих ночей?
Даже из этого ты делаешь игрушку,
чтобы взять надо мной власть!**

- В таком случае я сама уезжаю. - Софья Андреевна начала собирать свои вещи в дорожный сундук.

На крики прибежали дети, поднялся рев. И Толстой не выдержал - стал умолять ее остаться и вдруг весь затрясся и зарыдал. Она тут же бросилась жалеть его, целовать руки:

- Левочка, ну не надо, что же ты... Это нервы, все из-за твоего упрямства. Сколько раз я говорила, что это вегетарианство вредно тебе. Ты сам себя мучаешь и нас. Тебе нужно кумысом полечиться...

РЕВНОСТЬ

В ЯНВАРЕ 1895 года заболел младший сын Толстых, всеобщий любимец 6-летний Ванечка. Две недели у него был жар, но к концу месяца температура немного спала. И он вдруг начал раздирать свои вещи, подписывая каждую: "На память Маше от Вани" или "Повару С. Н. от Вани". Софья Андреевна целыми днями сидела подле него и читала сказки. Однажды он прервал ее:

- Мама, а мой братик Алеша, который умер, - теперь ангел?

- Да, мой хороший. Говорят, что дети, умершие до 7 лет, бывают ангелами.

- Лучше и мне, мама, умереть до 7 лет, теперь скоро мое рождение, я тоже был бы ангел.

Он умер 23 февраля. Лев Николаевич и Софья Андреевна сидели на кушетке, прижавшись друг к дру-

гу. Точно так же, прижавшись, ехали на кладбище по дороге, которой когда-то влюбленный граф пешком ходил в Покровское к своей невесте. Вспоминая об этом, Лев Николаевич плакал. Софья Андреевна говорить не могла, только еще крепче сжимала руку мужа. В опустевшем доме на время снова поселились тишина и любовь...

Софью Андреевну в то время буквально спасла музыка - и особенно музыка Сергея Ивановича Танеева, композитора, профессора. Отношения графини и Танеева были абсолютно платоническими, но духовная измена жены доставляла Толстому огромные страдания. Он говорил и писал ей об этом неоднократно, но она только обижалась: "Я - честная женщина!" И продолжала принимать Танеева или ездила к нему сама. Об этом конфликте знали все домашние. На все вопросы о том, что же происходит между супругами, Софья Андреевна с усмешкой отвечала:

- Да ровным счетом ничего! Даже совестно говорить о ревности к 53-летней старой женщине.

Толстой предлагал ей уехать вместе за границу - она не хотела. В итоге он сам собрал вещи и написал жене прощальное письмо: "Я не осуждаю тебя, а, напротив, с любовью и благодарностью вспоминаю длинные 35 лет нашей жизни, в особенности первую половину этого времени..." Но в тот раз он так и не уехал.

Она в свою очередь тоже ревновала его. Не к женщине - к Владимиру Григорьевичу Черткову, единомышленнику и издателю, истинному "толстовцу". Самым большим кошмаром для Софьи Андреевны было то, что Толстой мог передать ему права на издание своих книг.

«ПРОЩАЙ»

23 СЕНТЯБРЯ 1910 года, на годовщину свадьбы Льва Николаевича и Софьи Андреевны, в Ясной Поляне снова собралась вся семья. Каждый год в этот день супруги фотографировались вдвоем. Этот снимок был последним.

Все последние месяцы в семье было неспокойно. У Софьи Андреев-

ны то и дело случались истерики, она бросалась на пол и грозила мужу самоубийством:

- Я тебя от Черткова отвою, - кричала графиня. - Я от него не отстану!

Откуда-то она достала банку опиума и периодически изображала отравление: "Еще один глоточек - и все кончено!" Толстой плакал, пытался успокоить ее, а на следующее утро домашние узнавали от Софьи Андреевны, что Толстой приходил к ней ночью и целовал руки.

В начале октября у Льва Николаевича участились обмороки, сопровождавшиеся сильнейшими конвульсиями. Припадки повторялись по несколько раз за вечер. Но в конце месяца, собравшись с последними силами, Толстой все же тайно уехал из Ясной Поляны: "Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю... И дело не в исполнении каких-нибудь моих желаний и требований, а только в твоей уравновешенности, спокойном, разумном отношении к жизни. А пока этого нет, для меня жизнь с тобой немислима... Прощай, милая Соня, помогай тебе Бог".

Софья Андреевна исполнила свои угрозы и бросилась в пруд. Ее спасли, и тогда она поехала за мужем. Он был болен, в жару, но, узнав о том, что его ищет жена, с доктором и дочерью Сашей сел в поезд, чтобы бежать в Ростов. В дороге Толстому стало хуже, и на станции Астапово его, уже тяжело больного, поместили в домике начальника станции. Вскоре сюда приехали Софья Андреевна, дочь Таня и сыновья Андрей и Михаил. Жену допустили к Толстому только 7 ноября, когда он уже был без сознания. Она подошла к нему и прошептала на ухо:

- Я здесь, Левочка, я люблю тебя. Вдруг в ответ ей раздался глубокий вздох.

- Прощай, мой милый друг, мой любимый муж. Прости меня.

Опять тяжкий вздох. И все стихло...

Полина МОЛОТКОВА.

Фото из фондов музея Льва Николаевича Толстого.

На фото:

4. Софья Андреевна (1863 г.)

5. Толстой с внучкой

Танечкой (1908-1909 гг.)

6. После болезни, с дочерью Татьяной Львовной (Гаспра, 1902 г.)

